

Вопрос о соотношении системы и подсистем — больше фонологический, чем фонетический, однако он имеет непосредственное отношение к оценке фонетического строя современного русского языка. Теоретически вопрос об определении подсистем наиболее подробно рассматривается в названной статье М. Я. Гловинской. Прежде всего необходимо решить вопрос о том, какая именно подсистема обсуждается: идет ли речь о подсистеме слов или о подсистеме фонем? В статье М. Я. Гловинской рассматриваются обе эти подсистемы. Говоря о подсистеме редких слов, автор считает общим признаком, их объединяющим, необычность их произношения с точки зрения обычных литературных норм. Здесь речь идет скорее о некотором открытом перечне слов, характеризующихся своеобразным произношением, чем об упорядоченной системе. Однако даже если признать, что есть не просто перечень, а система (подсистема) редких слов, значит ли это, что имеется и система редких фонем?

Рекомендации автора по выбору критериев для определения принадлежности слова к системе или подсистеме (см. стр. 58) не подкреплены конкретными операциями — автор ссылается на отсутствие литературных данных о частотах встречаемости слов и фонем (имеющиеся частотные словари, статистики звуков и сочетаний звуков и слогов, сведения о соотношении субъективных и объективных вероятностях слов в расчет не принимаются). Обратимся к тем операциям, которые позволяют выявить в подсистеме редкие фонемы. Этим фонем М. Я. Гловинская насчитывает 22: <ш'>, <ж'>, <ч'>, <к'>, <г'>, <х'>, <б'>, <п'>, <м'>, <ф'>, <ф̄'>, <д'>, <т'>, <т̄'>, <н'>, <н̄'>, <л'>, <л̄'>, <с'>, <с̄'>, <р'>, <к̄'> (стр. 62). Согласные <ш'>, <ж'>, <ч'> встречаются в единичных словах (*пшют, жюри, бухгалтер*), согласные <к'>, <г'>, <х'> некоторыми исследователями включаются в систему фонем языка. Таким образом, основной

корпус «фонем подсистемы» составляют долгие согласные в заимствованных словах. Являются ли они самостоятельными фонемами или сочетанием двух соответствующих кратких фонем? М. Я. Гловинская решает этот вопрос несколько неожиданно: так как в основной системе фонем долгие правильнее толковать как сочетания фонем, ибо они встречаются на стыке морфем, в подсистеме лучше считать их долгими, «поскольку в ней подавляющая часть долгих приходится не на стык морфем» (стр. 68—69). Но ведь возможно и обратное заключение: так как в системе долгие согласные представляют собой сочетания фонем, то логично перенести такую их трактовку и на подсистему редких слов. Практически вывод автора о том, что долгое произношение двойных написаний согласных чаще встречается в тех случаях, когда имеются согласные, «которые возможны как двойные на стыке морфем в основной системе» (стр. 71), противоречит основному мотиву, по которому М. Я. Гловинская считает долгие согласные подсистемы монофонемными в отличие от бифонемных в основной системе. Стремлением найти обязательные отличия подсистемы от системы, видимо, объясняется и неожиданное с фонетической точки зрения решение считать немаркированным членом в противопоставлении твердых и мягких согласных мягкий, а не твердый. Таким образом, выделение особой подсистемы фонем базируется на спорных положениях.

Рассмотренные вопросы принципиально важны для теории описания звучащей речи, для понимания сущности языковых единиц и отношений, которые определяют происходящие звуковые процессы и которые в свою очередь зависят от этих процессов. Поэтому нужно признать необходимым серьезное обсуждение всех этих вопросов в рамках разнотипных направлений, существующих в отечественной фонетике.

Л. В. Бондарко

Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. — Л., изд-во «Наука», 1972. 431 стр.

Рецензируемая книга, созданная в группе Словаря русского языка XVIII в., составляемого ЛО Института языкознания АН СССР, посвящена одной из актуальных для русского языка XVIII в. проблем. По богатству привлекаемого материала это пока первое и единственное исследование: всего здесь охвачено более

11 000 слов, извлеченных более чем из 500 источников разных жанров.

Книга состоит из краткого Предисловия (стр. 3—4), Введения (характеризующего проблему в целом, ее роль для изучения русского языка XVIII в. и состояние ее изучения, стр. 5—22), четырех основных глав и Приложения, содержащего «Хро-

ноголо-этимологический словарь иноязычных заимствований» (стр. 334—408; он же служит словоуказателем к книге), списки источников фактического материала и указатель сокращений (стр. 409—429).

Первая глава (стр. 23—89) посвящена характеристике внешних условий заимствования иностранных слов русским языком в XVIII в. и источников изучения этого процесса; вторая (стр. 83—177) — статусу иноязычной лексики в речевом обиходе XVIII в. Статус этот представлен, прежде всего «Словарем вхождений» (стр. 101—170), содержащим сведения о времени появления заимствований (и их иноязычных этимонах), фиксации их в словарях XVIII в., об их вариантах и ударении, о сферах их распространения и др. В третьей (стр. 178—240) и четвертой (стр. 241—333) главах освещаются процессы адаптации заимствований XVIII в. в русской лексической системе.

Структура книги отвечает избранному жанру научных очерков: описание характеризуется известной выборочностью, что не противоречит его многоаспектности (см. перечень избираемых аспектов на стр. 98—100): в поле зрения оказываются не все заимствования и иностранные контакты этой поры, а только западноевропейские (включая заимствования из славянских языков и классических языков европейской учености); внимание сосредоточивается на собственно лексических заимствованиях, особенно на протяжении первых 2—3 десятилетий их вхождения на русскую почву. В этой связи безынтересны предложенные принципы отбора источников при изучении заимствований. Слагается с жанром очерков и разнообразие представленных в книге форм лингвистического наблюдения: здесь и собственно лексикологическое исследование, и обильные лексикографические материалы, и ценнейшие статистические выкладки.

Книга содержит богатые сведения по теории и истории заимствований в русском языке. Материал книги служит дополнительному подтверждению (иногда опровержению) уже существующих мнений, а в целом — развитию теории заимствованного слова. Так, здесь можно найти не одно убедительное свидетельство в пользу тезиса о сильной вариантности и семантической диффузности иностранного слова в начальный период его проникновения на заимствующую почву. Представляют интерес положения об исторической изменчивости наиболее активных в отношении заимствований функциональных сфер и литературных жанров (стр. 62, 296), о детерминации в первую очередь основных и общенаучных терминов (стр. 278), о непрямолинейном характере адаптации иноязычного материала (стр. 221), ее многослойности

и национальной специфичности (стр. 184, 221). Некоторые определения и положения потребуют в дальнейшем самого пристального внимания, например, определение функциональной сферы как понятийного поля, с которым «соотнесено в языке известное число лексико-семантических групп (обычно смежных, соприкасающихся, перекрещивающихся)» и внутри которого «существуют свои связи, свои членения, свои тенденции роста на каждом историческом этапе» (стр. 85). То же следует сказать о распространении понятий «супермаркированная и маркированная единица», а также «слабый вариант» на распределение вариантных возможностей заимствованного слова (стр. 179).

Постоянно ощущаемое стремление проецировать наблюдаемые конкретные явления на фон общей теории (будь то проблема системности лексических изменений или вопрос о соотношении языка и речи) ставит рецензируемое исследование в ряд теоретико-описательных.

Основной упор сделан на этимологию, хронологизацию и адаптацию заимствований в начальный период их истории в заимствующем языке. Благодаря обилию рассмотренных конкретных фактов XVIII в., картина получается полной и достоверной. Подробно рассмотрены адаптация заимствований, широкая вариативность их на первом этапе, активно действующая идея сопоставительного словаря, что специфично для процесса заимствования в русском языке XVIII в. (стр. 290—291).

Объект книги не замыкается в рамках литературного языка (стр. 21). В то же время связь изучаемых явлений с развитием литературной нормы в книге отчетлива. К вопросу о норме авторы обращаются всякий раз, когда речь идет о наиболее значительных языковых сдвигах: ср. сведения о состоянии общей нормы литературного языка в петровскую эпоху — время наибольшего притока в русский язык иностранных слов (стр. 48), о характере частных, орфографической и орфоэпической, норм при исследовании фонетической и морфологической адаптации слов (стр. 183), о наиболее типичном способе разрешения в XVIII в. языковых коллизий — языковой смене (стр. 295) и причинах, этот способ обусловивших. Другое дело, что упомянутое стремление не является в этом труде определяющим: норма постоянно имеется в виду, но специально в связи с заимствованием не изучается.

К числу бесспорных достоинств исследования относится также включение конкретных языковых процессов в широкую рамку культурно-исторических сведений, хотя желательно было бы видеть здесь более органичное слияние материала. Работа содержит немало интересных и свежих сведений о внешней политике

Русского государства в XVIII в., его торговых и культурных международных связях, о состоянии в это время русского образования, науки, искусств, изучения в России иностранных языков, о русской журналистике, лексикографии, о филологических спорах вокруг заимствований, о сложности и многообразии явлений, условно объединяемых для этого времени понятием «пуризм» (стр. 73—74).

Как и всякое большое исследование, книга не лишена некоторых неясностей и недостатков. К их числу относится, прежде всего, слабая связь между некоторыми общими посылками и конкретными описаниями: только намечены и не развиты здесь тезисы о лексических утратах (стр. 295), о взаимообогащении в XVIII в. русского и иностранных языков (стр. 47), о развитии значений у иноязычного слова на русской почве (стр. 266). Слишком бегло рассмотрены такие, по-разному оцениваемые различными исследователями, моменты, как польское (стр. 52) и французское (стр. 157) влияние на русский язык в петровскую эпоху.

В отличие от третьей главы, посвященной конкретной характеристике процесса фонетической и морфологической адаптации заимствований в русском языке XVIII в., четвертая, посвященная их семантической адаптации, оказывается скорее изложением теории адаптации с иллюстрациями, нежели характеристикой живого языкового процесса XVIII в. Возможно, это объясняется противоречием, в которое вступает стремление авторов характеризовать семантическое освоение слова языком и объективные свойства этого слова на начальном этапе в речи. Противоречивы по существу и два отраженные в книге подхода к русскому языку XVIII в.: с одной стороны, как к целому (стр. 289), с другой — как к прерывной линии (см. периодизацию на стр. 6 и 86: петровская эпоха и 30-е годы; 40—60-е годы; 70—90-е годы).

Далеко не всегда выдерживаются заданные принципы описания. В ряде случаев исследование отличается высокой степенью научного синтеза (см., например, о переходе слова из одного лексико-семантического ряда в другой на стр. 263), где внимание авторов сосредотачивается на пучках и рядах явлений и их связях, иногда же оно оказывается излишне атомарным, когда вместо класса явлений изучается отдельный факт (стр. 93—96, 281—284 и др.). Последнее, впрочем, неизбежно бывает при словарном подходе, также отраженном в этих очерках.

Укажем еще на нечеткость в некоторых случаях терминологии: нет определения терминов «дублет» и «вариант» (стр. 222); термин «чередование» применяется для обозначения «пустых» вариантов, не имеющих звуковой реальности в звуковой си-

стеме русского языка в прошлом (стр. 89, 184, 194).

В одних случаях следовало бы пожелать большей четкости определений, в других — смягчения их категоричности. Недостаточно формулированы в книге внутренние основания для градации литературных и нелитературных памятников (стр. 61—62). Слабо согласуется с общим тезисом об упрощенности структуры иноязычного слова в момент его заимствования (стр. 256) указание на «неопределенно-широкое употребление» его на первом этапе (стр. 257). Излишне безоговорочно звучит заявление, что «иноязычное слово с точки зрения своей словообразовательной структуры нечленимо» (стр. 223) или что «... Ломоносов выступает против использования иноязычных слов в современном ему языке...» (стр. 75). Вывод о том, что языком-источником является язык, на почве которого сложилось заимствуемое значение, не может быть универсальным уже потому, что известны случаи (стр. 93) заимствования слов с изменением значения.

Досадным упущением является отсутствие в книге списка языковедческих источников, а иногда и прямых ссылок на таковые — особенно там, где имеет место резкая полемика (как, например, на стр. 170 — с мнением о том, что «... вторая треть века... практически может не учитываться при изучении заимствований XVIII в...»). Недостаточно внимания уделено в культурно-исторической части исследования русским деятелям отечественного прогресса, прежде всего — М. В. Ломоносову, а также вопросу о подготовленности петровских реформ предшествующим развитием России.

Отметим недочеты и в лексикографической части книги. Принципы отбора слов в Словник и Словарь авторами не определены, и остается неясным, почему, одни слова из свежих заимствований, имеющих, по нашим сведениям, в Ленинградской картотеке «Словаря русского языка XVIII в.», включаются в списки, а другие — нет, о чем остается только пожалеть. Словник по своему составу полностью перекрывает Словарь, а целесообразность идеографической классификации во втором сводится к нулю там, где обширная по существу рубрика иллюстрируется всего лишь несколькими примерами, из которых только один — не окказиональный (стр. 133—135 — «Внешнеполитические отношения, союзы, договоры, гарантии, привилегии»). Не вполне логичным представляется, что сведения по этимологизированию слов XVIII в. современниками помещены не в «Хронологическо-этимологический словарь», а в «Словарь вхождений». Дериваты от иностранных слов, к сожалению, фиксируются только в статьях на те слова, от которых они произведены; не лучше ли было бы дать им место с соответствующей

пометой, с отсылкой к производящему слову и в заглавной части словаря? Слова, фиксируемые только Словарем Н. Яновского, вопреки намерению авторов не включать их в словник (стр. 84), спорадически попадают в него (*металлургик* и *космолог* на стр. 145, 157). Единство сетки описания в словнике не выдержано: набор сведений об одном слове нередко оказывается намного шире, чем о другом, для некоторых же слов хронологизация совсем отсутствует. Неудобен для читателя вынос условных обозначений в лексикологическую часть: за их расшифровкой приходится обращаться к разным страницам (стр. 94, 95, 97, 101), равно как и отсутствие алфавитного расположения для списков слов в IV главе (например, стр. 290—291). Имеются в книге и повторения (ср. стр. 85, 255 и др.). Недочетов, однако, не так уж много.

Отмеченные недостатки никак не умаляют несомненных достоинств рецензируемого исследования. Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что в будущем ни одна работа об истории заимствований в русском языке — будь то новое исследование, учебник или популярная брошюра — не сможет быть создана без обращения к этому капитальному труду. Если сформулировать главное, что дает он будущему исследователю, то это точка отсчета для прослеживания исторических

судеб основной массы новых западноевропейских слов в русском языке, которая представлена здесь столь определенно и полно.

В заключение несколько слов о плодотворности историко-лексикологических исследований, осуществляемых силами словарных коллективов Академии наук СССР. Служившие некогда исключительно только прямому своему назначению — созданию словарей и грамматик, академические картотеки ныне превращаются в базу лингвистического исследования в масштабах всей страны. Не случайно в выходящих трудах и в диссертациях все чаще можно встретить сокращения: ДРС, СДР, Карт. XVIII в. Роль этих картотек повышается благодаря постоянному их пополнению, растущему объему. А поскольку выходящие в свет словари не могут учесть их богатств в полном объеме, картотеки приобретают самодовлеющее значение для изучения русского языка.

Создаваемые на базе таких картотек исследования, помимо самостоятельного научного значения, получают тем самым и дополнительное — надежных и подробных путеводителей по академическим картотекам. И в этом смысле значение вышедшей книги также бесспорно.

И. А. Василевская

Йиржи Иирачек. Интернациональные суффиксы существительных в современном русском языке (структурно-сопоставительное исследование). — Universita J. E. Purkyně, Brno, 1971. 281 стр.

Во «Введении» рецензируемого труда автор справедливо отмечает, что проблемой существительных с интернациональными суффиксами, функционирующих в русском языке, в полном объеме никто еще не занимался (стр. 7).

В работе исследуются все русифицированные интернациональные суффиксы существительных (стр. 8), т. е. те, которые проявили в той или иной степени словообразовательную активность на русской почве, давши образования от русских основ. Это следующие морфемы: *-изатор* (*эровизатор*), *-(у)фикатор* (*русификатор*), *-ёр* (*шумёр*), *-ист* (*связист*), *-изм* (*хвостизм*), *-ит* (*солонит*), *-аж* (*листаж*), *-изация*, *e(u)фикация*, *-анция*, *-енция* (орфографически слова на *-изация*, *-(у)фикация*, *-анция*, *-енция*, ср. *советизация*, *русификация*, *распеканция*, *штукенция*) (стр. 8). Исключаются из описания слова с формантами *-ик* (*подагрик*), *-ант* (*музыкант*), *-ент* (*ассистент*), поскольку они не встречаются в сочетании с русскими основами и, следовательно, к ним не приложимо понятие словообразую-

щих морфем на почве русского языка. Этим определяется позиция автора относительно объекта исследования — изучаются только существительные с интернациональными суффиксами, обладающими словообразовательной самостоятельностью в русском языке.

Определив таким образом объект исследования, Й. Иирачек анализирует и описывает указанные существительные в разных аспектах, не исключая из сферы внимания теоретические проблемы словообразования и общие вопросы заимствования.

Перечень разделов книги достаточно полно раскрывает содержательную направленность исследования. В «Общей части» (стр. 15—30) автор раскрывает методические предпосылки работы и определяет понятия «интернациональные слова», «интернациональный суффикс», различая при этом понятия «заимствованный суффикс», «иноязычный суффикс» и положив в основу определений свое понимание суффикса и мотивационных отношений. В этом же разделе книги освеще-